

Rocznik Slawistyczny, t. LXIX, 2020

ISSN 0080-3588

DOI: 10.24425/rslaw.2020.134718

Светлана М. Толстая *

Институт славяноведения РАН
Москва

Новый выпуск Словаря народных стереотипов и символов

Рец.: **Słownik stereotypów i symboli ludowych, t. 2: Rośliny, cz. 3: Kwiaty**, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński. – Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019. – 295 s.

Это уже седьмая книга фундаментального *Словаря народных стереотипов и символов*, создаваемого в Люблине под руководством проф. Ежи Бартомиńskiego [SSSL]. Первые четыре книги внушительного объема были посвящены теме *Космос* (1. *Небо и небесные светила*; 2. *Земля, вода, подземный мир*; 3. *Метеорология*; 4. *Окружающий мир, свет, металлы*). Второй том – *Растения* – также будет включать целую серию выпусков (1. *Злаки*; 2. *Овощи, приправы, промышленные культуры*, 3. *Цветы*, 4. *Травы*; 5. *Кусты и кустарники*; 6. *Деревья*; 7. *Грибы, сорняки, заросли*), из коих пока изданы три. За этими томами последуют тома *Животный мир*; *Человек*; *Общество*; *Религия*; *Время, пространство, меры, цвет*. Как видно из этого общего плана, издание должно охватить все стороны народной «картины мира» и составить, по существу, грандиозную энциклопедию польской народной культуры. По полноте привлекаемого языкового, фольклорного, этнографического материала эта энциклопедия не имеет аналогов в славистической науке, а по своему подходу, основанному на новейших методах лингвистической семантики, когнитивной науки, этнолингвистики, текстологии, антропологии, она оказывается исключительным явлением и в мировой гуманитарной науке. За годы, прошедшие со времени выхода первого выпуска (1996), *Словарь стереотипов и символов* получил широкую известность

и признание со стороны специалистов по языку, фольклору и этнографии славян; он широко цитируется и служит ценнейшим источником не только эмпирического материала, но и новых идей и подходов к изучению традиционной народной культуры славян¹.

В первом выпуске тома *Растения* были сформулированы основные проблемы, связанные с изучением мира растений, которые остаются актуальными для каждого дальнейшего выпуска этого тома, о каких бы видах растений ни шла речь. Это прежде всего ориентация не на научную, а на «наивную» картину мира, на те представления, которые свойственны человеку в его непосредственном восприятии и повседневной практике. Во вводной статье редактора специально подчеркивалось, что словари литературного языка, так же как и вся «научная лексикография», дают дефиниции названиям растений на основе энциклопедических знаний, а не народных представлений, и исходят из научной, а не «естественной» систематизации растений (а границы между разными видами и группами растений, например, между травами и цветами, деревьями и кустарниками и т.п., в научном и народном представлении могут значительно различаться).

Во всех томах словаря авторы следуют установленным с самого начала единым принципам описания: к каждой словарной статье дается содержательная преамбула, предлагающая общую характеристику (языковую и энциклопедическую) описываемого стереотипа; каждая статья включает часть, называемую «экспликация», в которой приводятся все существенные признаки, свойства и контексты, создающие в совокупности «образ» предмета и очерчивающие его место в системе культурных стереотипов, и часть, называемую «документация», где те же данные представлены подробно с отсылкой к конкретным источникам разных жанров (загадкам, пословицам, заговорам, молитвам, обрядовым песням, сказкам, легендам и т.д.). В заключение в каждой статье приводится библиография польских исследований, посвященных данной теме, и отсылка к другим статьям словаря, содержательно связанным с данной темой (как правило, это работы, посвященные цветам вообще или каким-то крупным видам цветов, а не конкретно описываемому виду).

Рецензируемая книга, посвященная цветам, во многих отношениях отличается от других выпусков словаря. Ее специфика обусловлена особым местом самого объекта изучения (цветов) в системе народных представлений и в языке. Как представляется, именно эта специфика (а не только обилие материала), заставила редакторов и составителей выделить цветы в отдельную книгу, вопреки первоначальному плану объединения их с травами. Дело в том, что в отличие от многих видов растений, культурная семантика которых «надстраивается» над их практическим значением в жизни человека (злаки и плоды служат пищей, деревья – строительным материалом и топливом, из льна изготавливают одежду, травы используются для лечения и т.д.), цветы

обладают почти исключительно символической функцией – они служат украшением домашнего пространства и средством маркирования лиц и предметов, исполняющих особые обрядовые роли. В этом можно видеть не только эстетическое, но и в определенной степени сакрализующее значение цветов. Значительно слабее (по сравнению, например, с деревьями или злаками) выражена их магическая (защитная, продуцирующая) или лечебная функция.

Существенно затрудняет задачу описания цветов и способов их концептуализации в народной культуре проблема их идентификации: хорошо известно, что под одним названием могут в разных местностях фигурировать разные цветы и, наоборот, один и тот же ботанический вид может иметь разные местные названия. Чтобы помочь читателю, в конце книги помещен альбом специально сделанных для этого издания фотографий описываемых в словаре видов цветов. Может быть, стоило бы добавить к ним фотографии или рисунки обрядовых венков, а также изображения цветов на вышивках, тканях, стенах, печах, мебели, «пауках», «вычинанках» и т. д. (вообще эти вторичные, «изобразительные» цветочные символы заслуживают, видимо, отдельного внимания).

Говоря об особенностях цветов как элемента традиционной картины мира, нельзя не учитывать также зависимости номинации цветов и их символики в народной культуре от книжно-письменной традиции. Все эти специфические характеристики цветов как элемента мира не могли не отразиться на разработке конкретного материала в обсуждаемом выпуске. Предъявляемая каждому предмету описания анкета, требующая учета его многообразных отношений с другими единицами языка культуры (сочетаемости, оппозиций, синонимии, взаимодействия, соотношения по месту, времени, внешним признакам, происхождению и т.д.), оказывается во многих случаях заполненной лишь частично. Поэтому статьи, посвященные отдельным цветам, оказываются несоизмеримыми и по объему, и по полноте. Например, статья *Роза* (*Róża*) занимает 36 страниц текста и отвечает практически на все вопросы анкеты, и это соответствует высокой культурной значимости розы; довольно подробно представлены также стереотипы *Василек* (*Wławatek*), *Лилия* (*Lilia*), *Анютины глазки* (*Bratek*), *Ландыш* (*Konwalia*), *Маргаритка* (*Stokrotka*), тогда как большая часть статей занимает от одной до трех страниц и создает лишь фрагментарный образ описываемого растения. Такое соотношение обусловлено разным культурным статусом соответствующих растений.

Очень важна обстоятельная вводная статья книги, посвященная стереотипу цветка в целом (*Kwiat*), написанная Катариной Пророк (с. 11–55). Она не просто предваряет описания конкретных видов цветов, но и раскрывает тот общий набор понятий и конституирующих признаков, который релевантен для каждого вида: антропоцентризм в восприятии цветов, их связь с рождением и смертью, с этапами жизни человека (расцветом сил и фертильностью в молодости и увяданием в старости), с душой человека и т.п. По

народным представлениям, цветы – то же, что и люди, у них есть душа, у них есть головки, глазки, веки, бородки; они могут говорить, шептать, молиться, улыбаться, плакать, сочувствовать людям, испытывать боль и т.д. (с. 19–20). Такое восприятие цветов характерно для культуры всех славян². В этой статье, может быть, был бы уместен анализ не только самого слова и понятия ‘цветок’ (*kwiat*), но и тесно связанного с ним этимологически и семантически понятия ‘цветение’ (*kwitnąć, kwitnienie*), в котором заключен главный смысл самого биологического процесса как важнейшего проявления жизни и жизнетворения, тогда как в понятии цветка содержится лишь «отсвет» этого смысла, поскольку цветок – всего лишь «продукт» цветения, его предметное выражение, чем объясняется и меньшая культурная и эвристическая «ценность» цветов. О глубинном мифологическом смысле цветения и цветов не раз писала Л. Н. Виноградова (1995, 2016).

Материалы рецензируемого тома содержат интересные дополнения к общеславянским народным представлениям о генезисе растений³. В польской устной традиции преобладают поверья и легенды о божественном происхождении цветов, их создании Богом, Богородицей или ангелами – для «украшения земли», для того, чтобы они «напоминали» людям небо (с. 75). И даже мифологические версии происхождения цветов связываются с библейскими понятиями и персонажами или с божественной карой – так, согласно легендам, трехцветные анютины глазки (*bratki*) являются цветами Святой Троицы или божьей карой за инцест брата с сестрой (с. 64–65). Представлены в польском материале и некоторые мифологические сюжеты о происхождении цветов «из мертвого тела» (на месте гибели героя, из останков умерших или убитых, из пепла сожженного мертвеца и т.п.), широко известные во многих славянских традициях (Усачева 2008). Из соответствующей рубрики статьи *Роза* мы узнаем, что роза может вырасти из крови, пролитой на поле битвы, из крови невинно убитой девушки (с. 208); в разделе *Документация* упоминается баллада, в которой роза, лилия и другие цветы и деревья вырастают на могиле матери-детоубийцы (с. 234). В статье *Лилия* сообщается, что по легенде, этот цветок возник из крови св. Дороты: «где капля крови упала, там лилия стала» (с. 135). Маргаритка (*stokrotka*), по поверьям, возникла из слез Марии Магдалины, оплакивавшей Христа (с. 245); вереск (*wrzos*) расцвел на месте, где прошла Богородица (с. 258). Однако для большинства описываемых видов сведений об их происхождении не приводится, и это конечно отражает степень разработанности соответствующих стереотипов и мотивов в фольклоре и народной культуре в целом.

Строгая структурная организация статей в *Словаре народных стереотипов и символов* дает возможность читателю проследить по всему материалу интересующий его сюжет или мотив. Например, если мы хотим получить представление об обрядовом или практическом использовании тех или иных цветов или о связанных с ними запретах, мы можем легко извлечь

соответствующую информацию из рубрик, обозначенных специальными символами. Главным практическим применением цветов (если не считать их использования как красителей) безусловно является украшение как сакральных, так и бытовых предметов интерьера – алтарей, капличек, придорожных крестов, скульптурных фигур, красных углов в домах, изображение цветов на стенах, сундуках, полках, посуде и т.д. Живые, освященные в церкви, высушенные, бумажные, нарисованные или вырезанные на бумаге цветы имели не только чисто эстетическую, но и символическую функцию. То же можно сказать о цветах и их изображениях на предметах одежды, на головных уборах и др., о цветах, которые подносились в дар в виде букетов, и т.п. Цветы служили обрядовым реквизитом в большинстве календарных обрядов (Boże Narodzenie, Wielkanoc, Zielone Świątki, Boże Ciało, noc świętojańska, dożynki) и в обрядах жизненного цикла (chrzest, pierwsza komunia, wesele, pogrzeb и др.). К магическим функциям цветов относятся прежде всего защитная (например, букет оświęщенных цветов защищал от удара молнии; яркий цветок мог отвести от человека недобрый взгляд; венки на шее или рогах коров защищали их от ведьм и т.п.) и благопожелательная (цветы приносили любовь и счастье, удачу в хозяйстве и т.п.). В лечебных целях использовались цвет и запах цветов, настои, отвары некоторых цветов, изготовленные из цветов мази, окуривание цветами и т.п.

Самыми заполненными оказываются, таким образом, рубрики, касающиеся практического, магического или лечебного использования цветов. Но есть рубрики, которые в книге ни разу не были раскрыты. Так, ни в одной статье не встретилось рубрики, предназначенной для запретов, связанных с цветами; между тем информация о запретах все-таки в материале имеется, но оказывается включенной в какие-то другие разделы. Так, рубрика (со специальным знаком), предусмотренная для нетипичной информации о предмете, чаще всего содержит сведения о практике разведения цветов, предписаниях и обычаях, касающихся их высеваания, ухода, пересадки, прополки, срезания и т.п., или же какие-то индивидуальные (поэтические) ассоциации и образы, связанные с данным видом. Но, например, на с. 22 в эту рубрику занесены как раз магические запреты: «чтобы цветы не увяли и не засохли, нельзя было вслух выражать удивление их пышным цветением; запрещалось выливать на цветы воду, которой обмывали покойника; не следовало отдавать из дома огонь на Рождество, иначе «солнце сожгло бы цветы». В нескольких статьях в рубрику «нетипичных» сведений попали свидетельства о восприятии цветов как живых существ, которые способны говорить, шептать, смеяться, быть забывчивыми и рассеянными (с. 183, ср. также с. 137, 210), из чего следует, что подобные примеры персонификации и олицетворения заслуживают, вероятно, отдельной рубрики. Сюда же иногда включаются сведения об освящении растений (с. 196), которые в других случаях помещаются в специальную рубрику, где предмет описания

выступает как объект каких-то обрядовых действий. Вообще создается впечатление, что, когда речь идет о цветах, «индивидуальное» рассмотрение каждого вида в какой-то степени затушевывает то общее, что объединяет отдельные стереотипы в некий «общий стереотип» цветов, характеристики которого оказываются содержательно более значимыми, чем некоторые специфические особенности и разный культурный статус отдельных видов.

Закljučая эту краткую рецензию, нельзя не подчеркнуть еще раз, что каждый выпуск *Словаря народных стереотипов и символов* не только вводит в научный оборот богатый новый, тщательно препарированный материал польской культурной традиции, но и дает в руки исследователей инструмент и аппарат, позволяющий анализировать другие культурные сферы и другие языки и традиции. В частности, выпуски второго тома словаря, посвященные растениям, безусловно обогащают такую успешно развивающуюся в разных странах область гуманитарной науки, как этноботаника⁴.

Литература и сокращения

- Виноградова Л. Н., 1995, *Цветочное имя русалки: славянские поверья о цветении растений*, [в:] *Этноязыковая и культурная история Восточной Европы*, отв. ред. В. Н. Топоров, Москва, с. 231–259. [То же в кн.: Виноградова Л. Н., *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*, Москва: Индрик, 2000, с. 195–219].
- Виноградова Л. Н., 2016, *Малоизвестные варианты полесских поверий о цветении папоротника*, [в:] Виноградова Л. Н., *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*, Москва: Индрик, 2016, с. 230–240.
- Колосова В. Б., 2012, *Цветы*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, ред. Н. И. Толстой, Москва: Международные отношения, т. 5, с. 476–480.
- Толстая С. М., (рец.), 1997, *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 1, „Живая старина”, № 4, с. 52–53.
- Толстая С. М., (рец.), 2000, *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 2, „Живая старина”, № 2, с. 58–59.
- Толстая С. М., (рец.), 2014, *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępcza redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin, t. 1: *Kosmos*, cz. 3: *Meteorologia*, 521 s.; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, „Славяноведение”, № 6, с. 104–109.
- Толстая С. М., (рец.), 2018, *Символика растений в польской народной традиции. Злаки*, „Rocznik Sławistyczny”, t. 67, s. 189–195.
- Усачёва В. В., 2008, *Мифологические представления о происхождении растений*, [в:] *Идет, Магия слов и действия в народной культуре славян*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2008, с. 161–213.

лингвистических исследований РАН”, т. 6, ч. 1: *Этноботаника: растения в языке и культуре*, ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова.

Acta Linguistica 2017 = „Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН”, т. 13, ч. 2: *Этноботаника: растения в языке и культуре*, отв. ред. Н. Н. Казанский, сост. В. Б. Колосова.

SSSL 1996–2012 = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński, t. 1: *Kosmos*. Cz. 1: *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*, Lublin 1996, 439 s.; Cz. 2: *Ziemia, woda, podziemie*, Lublin 1999, 481 s.; Cz. 3: *Meteorologia*, Lublin 2012, 521 s.; Cz. 4: *Świat, światło, metale*, Lublin 2012, 395 s.; t. 2: *Rośliny*. Cz. 1: *Zboża*, Lublin 2014, 404 s.; Cz. 2: *Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, Lublin 2018, 531 s.; Cz. 3: *Kwiaty*, Lublin 2019, 295 s.

SSSL 2019 = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, t. 2: *Rośliny*, cz. 3: *Kwiaty*, koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019.

References

Acta Linguistica 2010 = „Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkikh issledovaniĭ RAN”, vol. 6, part 1: *Ėtnobotanika: rasteniia v iazyke i kul'ture*, eds. V. B. Kolosova, A. B. Ippolitova.

Acta Linguistica 2017 = „Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkikh issledovaniĭ RAN”, vol. 13, part 2: *Ėtnobotanika: rasteniia v iazyke i kul'ture*, eds. N. N. Kazanskiĭ, V. B. Kolosova.

Kolosova V. B., 2012, *Tsvety*, [in:] *Slavianskie drevnosti. Ėtnolingvistichestkiĭ slovar'*, ed. N. I. Tolstoĭ, Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 5, pp. 476–480.

SSSL 1996–2012 = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński, t. 1: *Kosmos*. Cz. 1: *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*, Lublin 1996, 439 s.; Cz. 2: *Ziemia, woda, podziemie*, Lublin 1999, 481 s.; Cz. 3: *Meteorologia*, Lublin 2012, 521 s.; Cz. 4: *Świat, światło, metale*, Lublin 2012, 395 s.; t. 2: *Rośliny*. Cz. 1: *Zboża*, Lublin 2014, 404 s.; Cz. 2: *Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, Lublin 2018, 531 s.; Cz. 3: *Kwiaty*, Lublin 2019, 295 s.

SSSL 2019 = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, t. 2: *Rośliny*, cz. 3: *Kwiaty*, koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019.

Tolstaia S. M., (rev.), 1997, *Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov*, vol. 1: *Kosmos*, part 1, „Zhivaia starina”, № 4, pp. 52–53.

Tolstaia S. M., (rev.), 2000, *Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov*, vol. 1: *Kosmos*, part 2, „Zhivaia starina”, № 2, pp. 58–59.

Tolstaia S. M., (rev.), 2014, *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępcza redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin, t. 1: *Kosmos*, cz. 3: *Meteorologia*, 521 s.; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, „Slavianovedenie”, № 6, c. 104–109.

Tolstaia S. M., (rev.), 2018, *Simvolika rasteniĭ v pol'skoĭ narodnoĭ tradicii. Zlaki*, „Rocznik Slawistyczny”, vol. 67, pp. 189–195.

- Usachëva V. V., 2008, *Mifologicheskie predstavleniia o proiskhozhdenii rasteniï*, [in:] *eadem, Magiia slov i deïstviia v narodnoï kul'ture slavian*, Moskva: Institut slavianovedeniia RAN, 2008, pp. 161–213.
- Vinogradova L. N., 1995, *Tsvetochnoe imia rusalki: slavianskie pover'ia o tsvetenii rasteniï*, [in:] *Ëtnoiazykovaia i kul'turnaia istoriia Vostochnoï Evropy*, ed. V. N. Toporov, Moskva, pp. 231–259. [= Vinogradova L. N., *Narodnaia demonologiiia i mifo-ritual'naia traditsiia slavian*, Moskva: Indrik, 2000, pp. 195–219].
- Vinogradova L. N., 2016, *Maloizvestnye varianty poleskikh poveriï o tsvetenii paporotnika*, [in:] *eadem, Mifologicheskiï aspekt slavianskoï fol'klornoï traditsii*, Moskva: Indrik, 2016, pp. 230–240.

Summary

New issue of the Dictionary of folk stereotypes and symbols

The next issue of the Dictionary of folk stereotypes and symbols, published in Lublin under the editorship of Prof. E. Bartminski, is dedicated to the theme *Flowers*. Unlike many types of plants, whose cultural semantics "superimpose" on their practical significance in human life, flowers have an almost exclusively symbolic function – they serve as a decoration of the home space and a means of marking persons and objects that perform special ceremonial roles.

Keywords: Polish folk culture, cultural stereotypes, ethnolinguistics, dictionary, semantics, symbolism, flowers.